

раскрепощении русского человека, о столкновении скитальческого духа с расхожей философией обывателя, который никогда не доверяет никаким вольным идеям, убежденный, что они рано или поздно подведут его. Горькому несвойственна изысканная герметичность письма некоторых знаменитых его современников, ему была чужда и крикливость моралистов. Он знал, что за чрезмерно оглушительными криками обывателя о падении нравов скрыта безнравственность в своем доме. Он был поистине народен, неуклюж, неудобен для салонов, исходила от него мощная сила, пахнущая ветром и предгрозовыми облаками, сила свежести и раздражающего беспокойства человека из народа, вошедшего без стука и извинительной заминки в храм изящной словесности.

Как в политике, так и в литературе, время от времени происходит ослабление энергии, омертвление живых тканей, повторение лишенных грубой жизни образов, форм, приемов, лексик, тогда необходимо явление но-

одно целое, враждебно разьединенное веком веков национальными пред-рассудками, злобой, неравенством благ, глупостью, установлениями власти придержащих. Свобода есть не инстинкт, не страсть, не метафора, произносимая в торжественные даты, а особое нравственное состояние, разумная убежденность в единой общности людей, способная обновить и объединить мир. Это воля сознательного человека, далекая от своеволия варвара и от политиканствующего лжеца, который подчас кровью завоеванную свободу использует в борьбе против этой же свободы, опрокидывая ее.

Да, свобода, о которой мечтал Горький и которую утверждаем мы, несовместима с преступной вседозволенностью, защищенной демагогией извращенных властолюбием одиночек, смакующих большие элитарные желания стоять над «неразумной» толпой.

За последние семьдесят лет произошло больше событий и больше

сти, о его верности свободе и средству слова.

Но что происходит в нашем современном искусстве? Можем ли мы все определить, оценить, классифицировать? Или рано говорить об этом? И все-таки превратности литературного процесса 80-х годов, головокружильные протуберанцы жрецов разгрома как бы несостоявшегося прошлого; прорабы снобостроительства в настоящем; коварные и крикливые властолюбцы от теории, мечтающие о безнаказанной литературной травле («есенинщина», «булгаковщина»), так пышно расцветшей во второй половине двадцатых годов; меморандумы хмурых экономистов с заемными формулами без новых, оригинальных идей, исполненные в то же время сладострастия разрушения вперемешку с заразительными, как эпидемия, смертельными приговорами всей нашей истории, нашей, так сказать, дохристианской культуре и послехристианской литературе, поборники покалания, но не искреннего раскаяния; фальшивые мученики, беспечальные в годы застоя, а сейчас буйно рвущие на груди парижскую сорочку; домашние интеллектуалы из бывших аплодисментчиков и любителей тени спасительных кустов в дни распятый, ныне неустанно ткущие ядовитую паутину, подобно пауку, из собственной плоти или же из односторонней гласности некоторых изданий в ожидании одностороннего триумфа; беззастенчивые «европейцы», передающие заимствованные у дальних соседей стереотипы «нет у вас прошлого, нет настоящего и будущего» — растлевающие формулы, нацеленные в души доверчивой молодежи, которую никому не дано право предавать, — все это в отдельности и вместе взятое вряд ли революционно поможет скорейшему развитию перестройки общества на основах свободы и демократии. Пожалуй, наоборот: этот неослабевающий развеселый шабаш вплотную придвигает кризис критики, кризис искусства, кризис обыкновенной человеческой доброты.

Литература — евангелие человека и правды. Красота же теперь пытается не чувством, а разумом удержать скольжение светлых теней по реке жизни, в то время как мы сами замутняем ее течение и охлаждаем теплоту ее зеленых берегов. Впрочем, всякое временное поражение — наполюину победа. После преодоленного кризиса наступает облегчение.

Социалистическая свобода — это возможность проявления доброй воли и освобождение от страха перед жизнью. Но все мы против свободы жестокости, насилия, мертвой философии, обезличивания и унижения человека — против армий зла, с которыми всю жизнь боролся разум и талант Горького. И я вижу этот образ русского писателя на долгие времена — с его милосердием к человеческой незащищенности, с его состраданием ко всем бедам людским, с его верой в преодоление.

Юрий БОНДАРЕВ

СВОБОДА

К 120-летию
со дня рождения
А. М. Горького

Пожалуй, можно поверить, что в начале XX века модернист Метерлинк «украл у литературы» и спрятал в декорациях мучительно ищущего истину героя Толстого и Достоевского. Так или иначе — искусство все чаще уходило от непоколебимых постулатов о прекрасном, вечно женственном, как бы уже не веря в молитву давнего упования на то, что жизнь — красота. Даже великий Блок, падший ангел от символизма, сомневаясь в силе золотого меча красоты, стал мечтать о создании нового, национального, как он говорил, героического искусства, ибо русский читатель всегда ждет от литературы указания жизненного пути. В бессилии воздействия красотой проявлялся дух бесконечно отгорающейся и бунтующей русской интеллигенции, потерявшей, кроме того, тургеневского героя на randevу и барриадах и приобретшей чеховского героя в домашнем халате.

Талант Горького начал завоевывать Россию на пороге века как явление уникальное, новое в отличие от Есенина, Маяковского, Блока и Брюсова, никакому школу в предреволюционные годы не отражающее. Если западный писатель в те же годы, исповедуя аморальный реализм, использовал и расширял тему денежного демонизма и неутоленных страстей, настроенный на мрачный лад безнадерной надежды, то Горький заговорил о конкретной любви «к родным лохмотьям», об удесятельной воле к свободе, о душевном

вых талантов, подобно апостолам и пророкам. Горький в ярчайших пьесах своих и, конечно, в эпопее «Жизнь Клима Самгина» разрушал абсолют банальных истин мещанства, утверждая, что революция не предает человека, не берет в заложники искусство, что искусство не противоречит революции, а революция не противоречит искусству. Поэтому не вызывает сомнения, что самообманывающийся писатель — это гибель художника, самообманывающийся ученый — это гибель земли, самообманывающийся политик — это гибель целой социальной доктрины.

Вспоминая главную книгу Горького «Жизнь Клима Самгина», эту энциклопедию русской интеллигенции от начала века до Октябрьской революции, вы не однажды, наверное, думали, что жизнеспособна только свобода — но не та вежливая форма идеалистической морали в расшитом камзоле и не та порученная сильными властью одного над другим, и не та, которая отдает человека в лохматые руки пропахшей железной окисью анархии, то есть не та свобода, что делает человека несвободным. Нет, речь идет о свободе, которая требует исполнения простого и естественного долга — каждого перед всеми и всех перед каждым. И это наивысшая целесообразность в устройстве общества. Свобода подлинная немислима без искреннего осознания этических обязательств, потому что нельзя быть оstraенным от природы и ближнего своего. Все человечество —

изменения, чем за семьсот предыдущих веков истории. Не оскудели ли истоки русского искусства? И кто стоит у истоков? Кто хранитель вечной красоты? Писатель? Живописец? Музыкант? Не отуждено ли в какой-то мере искусство от правды, а значит, от народа? Хотим мы этого или не хотим, но в литературе появился вкус несчастья, утрачена истинная радость и подточена надежда. Этот мотив чувствовался и в сложном «Климе Самгине», последней книге Горького. Но, несомненно, русский пессимизм никогда не представлял собою нечто всеобщее и всеохватывающее для России. Он лишь влиял на некоторую часть интеллигенции как временное отсутствие выхода из положения. Он, пессимизм, полезен как скорбный метод познания, но безнаден, не будучи господствующим в позиции мировоззренческой.

Мир изначально добр, а не зол и безобразен, но, по Достоевскому, его расшатала идея неверия; по философии Толстого, царство земное губит отчуждение людей, неравенство, не любовь друг к другу, потеря всего простого, естественного, как естественно дыхание. Ориентация на человеколюбивый реализм XIX века — это путь не назад, а вперед, движение от удешевленных нравственных ценностей к чистому золоту классики, что прекрасно сознавал Горький. В наше революционное время преобразований мы не можем не думать об опыте большого писателя, о его знании народной жизни и демократично-